

Социология права

Девиантное поведение

© 2002 г.

В.В. ЛУНЕЕВ

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ, УГОЛОВНЫЙ ТЕРРОРИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ЛУНЕЕВ Виктор Васильевич — доктор юридических наук, заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, директор Московского исследовательского центра по проблемам организованной преступности и коррупции.

В структуре различных видов терроризма особое место занимает уголовный терроризм. Как и любой другой, он может совершаться одиночками и группами лиц, причем спорадически, в качестве крайнего средства, что по частоте и масштабам свершения не представляет собой национальной или транснациональной опасности. Но дело обстоит иначе, когда его главными субъектами выступают организованные преступные группы, сообщества и организации, национального или транснационального характера. Они используют устрашение и непосредственное насилие в различных формах как основное средство воздействия на власть, ее представителей, лоббистов, на своих конкурентов по незаконному и законному бизнесу в целях перераспределения сфер влияния, собственности, финансовых потоков, видов преступной и легальной деятельности.

Организованная преступность в США возникла в период действия "сухого закона" Волстэда (28-ая поправка к Конституции), принятого в 1919 г. и отмененного в 1933 г. во время мирового экономического кризиса. Она до сих пор представляет собой противоправную деятельность преступных ассоциаций. Давно идет ее инфильтрация в законный бизнес, профсоюзы и политические организации. Президент США Р. Никсон в свое время указал на три цели организованной преступности в США: эксплуатация, коррупция и уничтожение. Последняя форма преступной деятельности и является в определенной мере уголовным терроризмом. Организованная преступность в США в 20-60-е годы развивалась относительно медленно и наряду с этим шел процесс формирования социально-правового контроля над ней: законы о борьбе с рэкетом (1946 г.), наркотиками (1956 г.), о контроле над преступностью и безопасности на улицах (1968 г.), о постоянно действующем преступном предприятии (1970 г.), о рэкетированных и коррумпированных предприятиях (РИКО, 1978 г.) и т.д.

Политические, социально-экономические и организационно-правовые условия в нашей стране в период интенсивного формирования организованной преступности (70-80-е годы) были иными. Возникновение и становление организованной преступности отечественной мафии в значительной мере кроется в недрах теневой экономики, распределительных отношений, неповоротливой государственной "ничейной" собствен-

ности. В период перестройки и квазирыночных реформ проходил окончательный развал социально-правового контроля над преступностью вообще и над организованной преступностью, в частности. Более пятнадцати лет шел ожесточенный спор о необходимости принятия закона о борьбе с организованной преступностью. И только с 1997 г. более или менее сформировалась уголовно-правовая база (УК 1996 г.) для борьбы с ней. За это время она разрасталась, укреплялась, эшелонировалась, пронизав практически значительную часть экономической и политической жизни страны. Директор ФБР Луис Фри, побывавший в Москве в 1994 г., сказал, что Россия очень быстро осознала опасность организованной преступности, на что Америке понадобилось 50 лет. Я думаю, он польстил России. Осознавать огромную опасность организованной преступности российская юридическая общественность начала в конце 80-х годов, но власти более десяти лет были глухи к этому осознанию.

Правоохранительные органы налаживали какой-то учет организованной преступности на основе оперативных данных. В 1989 г. было учтено 485 организованных групп, а в 1995 - 8222. Рост в 17 раз. Более интенсивно устанавливались организованными преступными формированиями международные и региональные связи. И еще более интенсивно росла коррумпированность, иницируемая организованной преступностью. Эти данные очень относительны. При отсутствии правовых критериев и в целях демонстрации успешной деятельности органы внутренних дел нередко зачисляли в организованную преступность обычную групповую преступность.

Показухой, к сожалению, болеют правоохранительные органы и других стран. По замечанию бывшего министра юстиции США Рамсея Кларка, масса усилий затрачивается на преследование мелких громил, для того чтобы какой-нибудь районный атторней (прокурор) или начальник полиции, или федеральный орган могли создать себе соответствующую репутацию. К слову сказать, в США написаны сотни книг об организованной преступности, но там до сих пор нет никакой федеральной статистики о ее преступной деятельности, во всяком случае открытой и доступной. Создается впечатление, что журналисты и СМИ в целом знают о ней больше, чем правоохранители. Между тем на журналистских материалах строились запугивания американцев русской организованной преступностью. Они легли в основу исследования Центра стратегических и международных исследований "Российская организованная преступность" (1997 г.), проведенного под руководством Уильяма Вебстера. В нем много актуальных наблюдений, но в целом оно рассчитано на политико-пугающий эффект, поскольку доля российской организованной преступности в структуре мафиозных структур США, по нашим оценкам, не превышает 5%, если даже считать всех организованных преступников, прибывших с территории бывшего СССР, которые к российской, или русской (как часто понимается в США), организованной преступности никакого отношения не имеют. Вывод напрашивается иной: мафия во всех странах все более становится транснациональной. Как показывают дела о Нью-Йоркском и других банках США, российские организованные формирования могли вершить свои дела в США лишь при соучастии американских организованных преступных кланов.

На основе действующего законодательства в России налажен относительно надежный учет установленных деяний, совершенных организованными преступными формированиями. Эти деяния попадают в учет только тогда, когда они точно установлены, когда уголовное дело закончено и направляется в суд. В 1999 г., например, было зарегистрировано 25039 преступлений, совершенных организованными преступными группами, сообществами и организациями, в том числе: 1010 вымогательств, 426 бандитских нападений, 198 убийств, 143 похищения людей, 108 случаев организации преступного сообщества, 6 захватов заложников и ни одного террористического акта. Вместе с тем в общей статистике было зарегистрировано 20 случаев терроризма, но ни один из них не был раскрыт, а следовательно, не было известно, кем они были совершены, организованными или неорганизованными преступниками.

В 2000 г. было зарегистрировано 27362 преступления, совершенных организованными преступными группами, сообществами и организациями, в том числе: 940 вымо-

гательств, 404 бандитских нападения, 195 убийств, 112 похищений людей, 77 случаев организации преступного сообщества, 8 захватов заложников и 2 террористических акта. В общей же статистике было зарегистрировано 135 случаев терроризма (прирост по сравнению с 1999 г. на 676%), но было раскрыто лишь около 20 террористических актов, в том числе лишь два, совершенных преступными организациями.

Как правило, повторим, терроризм и связанные с ним деяния совершаются организованными преступными образованиями или незаконными вооруженными формированиями. Но значительная часть этих преступлений остается нераскрытой, поэтому они не попадают в учет организованной преступности. По состоянию на первое полугодие 2001 г., на общем учете в органах внутренних дел числится 258 случаев терроризма, в том числе зарегистрированных в текущем году - 180 (прирост по сравнению с 1999 г. - 718%), из них раскрыто только 19 террористических актов, но лишь в одном случае доказана причастность преступных сообществ. Заказные умышленные убийства представителей власти, правоохранительных органов, судов, предпринимателей, банкиров, мешающих преступной деятельности или не выполняющих их требований, конкурирующих в сфере преступного или правомерного бизнеса, кровавые разборки между самими преступными группировками во второй половине 90-х годов истекшего столетия стали обыденным явлением в нашей стране и в мире в целом.

Учитывая, что в России не преодолены криминальные связи в отношениях "деньги - собственность - власть", террористическая составляющая организованной преступности имеет тенденцию к определенной политизации в целях *ослабления деятельности правоохранительных органов, торможения законодательных инициатив, которые невыгодны преступной среде, деморализации населения, вхождения в органы законодательной власти преступных авторитетов или их пособников и покровителей, занятия важных постов в исполнительной федеральной и региональной власти, получение иммунитета от законных преследований за совершение преступлений.* Стремление организованной преступности к желаемым политическим результатам используется некоторыми далекими от политической чистоты партиями, которые получают от организованных преступников серьезную финансовую поддержку своих политических целей, расплачиваясь за это лоббированием интересов преступных формирований, включением в свои списки представителей от организованной преступности, оказанием иной политической помощи уголовному миру. В условиях России этому способствует несовершенное законодательство. Процесс переработки законодательства о партиях и выборах начался, но он протекает противоречиво. Так, при обсуждении проекта закона о партиях в мае 2001 г. особые разногласия вызвал вопрос о нерегистрируемом финансировании партий частными лицами. Аналогичная картина наблюдается и в некоторых других странах.

Исследователи терроризма, или, как их называют, террологи, прогнозируют рост терроризма различных видов. И этот прогноз практически сбывается. Террористические акты в Вашингтоне и Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. являются беспрецедентными. Уголовный терроризм в этом отношении не представляет исключения. Он может включать в себя все или большинство видов террористической деятельности, классифицированных по тем или иным основаниям. По своему характеру он может быть международным и внутренним, по пространственным условиям - наземным, воздушным и морским, по видам используемых средств - традиционным и технологическим, то есть ядерным, химическим, биологическим, кибернетическим и иным с использованием высокотоксичных ингредиентов и взрывчатых веществ и устройств особо разрушительной силы. Как правило, он интернационален, аполитичен и атеистичен, но не гнушается сотрудничать с террористическими организациями, занимающимися те или иные идейно-политические платформы (идеологические, националистические или религиозные), обеспечивая их средствами и оружием и используя их для давления на власть в своих сугубо криминальных целях. На плечах оппозиционных сил, использующих террористические методы борьбы, они при благоприятных для них

условиях не прочь войти с ними во власть, особенно в нашей стране, где между властью и собственностью, властью и деньгами (белыми, серыми и черными) установились заметные противоправные связи. Тенденции интенсификации терроризма в целом в текущем столетии тесно связаны с общемировыми процессами глобализации мира.

Закономерность или неизбежность глобализации не означает, что не следует оценивать ее негативные тенденции. Посмотрим на нее с точки зрения некоторых криминологически значимых обстоятельств международного значения. *Первая криминологически значимая проблема* — проблема занятости. Ее глобалисты-прагматики оценивают с помощью пары цифр - 20:80 и концепции титтеймент. В XXI в. будет достаточно 20% населения Земли. А остальные 80% останутся лишними, без работы и средств существования, но колоссальными проблемами криминогенного характера. Они должны будут довольствоваться лишь титтейментом (развлечение с сиськой, по определению З. Бжезинского). Россияне в числе золотого миллиарда пока не значатся. Это огромная криминологическая проблема для нашей страны и других стран, связанная с организованной преступностью, а также уголовным и идеологическим терроризмом.

Вторая проблема - проблема рынков финансовых спекуляций. Более 80% финансового капитала находится в свободном плавании и не имеет реального материального наполнения. Это рынок, где деньги делают деньги, то есть рынок игроков в рулетку. Благодаря компьютерным технологиям финансовый рынок железным обручем стянул все страны вокруг крупнейшей финансовый магнатов стран золотого миллиарда. Это позволяет в зависимости от конкретных интересов ставить те или иные страны на грань финансового краха. И система этих крахов давно началась. По словам Дж. Сороса, выступившего в 1998 г. в Конгрессе США, "система мирового капитализма, которой мы обязаны необыкновенным процветанием нашей страны в последнее десятилетие, трещит по швам. Сегодняшний спад на фондовых рынках США является всего лишь симптомом, к тому же запоздалым, говорящим о более глубоких проблемах, поражающих мировую экономику. Некоторые фондовые рынки Азии испытали более серьезные спады, чем крах на Уолл-стрит в 1929 г., кроме того их национальные валюты упали до незначительной доли их стоимости в тот период, когда они были привязаны к американскому доллару... В настоящее время Россия пережила полный финансовый крах. Этот крах... будет иметь неисчислимы человеческие и политические последствия. Эта инфекция распространилась также и на Латинскую Америку" [1]. Подобное обвинение нынешней мировой финансовой системе предьявляет отнюдь не коммунист, и может быть, к этому стоит прислушаться.

Третья проблема - проблема существенного снижения возможностей национальных правительств в управлении обществом, в борьбе с преступностью. В конце 2000 г. в 22-ом докладе Мирового банка - "На пороге 21 века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 гг." - выдвигаются две главные проблемы - глобализация и локализация, которые составляют на сегодняшний день для мирового сообщества два противоречивых мировых вызова. С одной стороны, наблюдается тенденция ограничения власти национальных правительств. Диктуется подчинение наднациональным образованиям (как видно из сегодняшних событий, не ООН). Национальные правительства вынуждены идти на заключение соглашений с другими национальными правительствами, международными организациями, в том числе военными, неправительственными организациями и многонациональными корпорациями, роль которых чрезвычайно усиливается. С другой стороны, локализация требует, чтобы национальные правительства договаривались ("делились") с регионами и городами по вопросам ответственности через субнациональные институты. И здесь идет уже децентрализация, а часто и распад государств, который может быть сочтен выгодным наднациональными военными и экономическими образованиями и поддержан ими (пример - Чечня). Ожидается, что на Земле может появиться до 500 государств.

Эти два противоречивых требования напоминают антиномию принципа неру-

шимости государственных границ и права наций на самоопределение, которые по правилам двойных стандартов наднациональными силами толкуются пристрастно. И глобализация и локализация несут в себе существенные условия для разрастания организованной преступности и ее террористической деятельности в ситуации кризиса, неопределенности, конфликта.

Перечень криминологических проблем, вытекающих из глобализации, можно было бы продолжить. Наряду с экономической и политической глобализацией идет процесс криминальной глобализации в форме интенсивного развития транснациональной организованной преступности. Анализ пяти обзоров тенденций преступности в мире на основе данных, собранных ООН с 1970 г. [2], показывает, что в каждой стране имеется своя преступность - по уголовно-правовым определениям, по уровню, структуре, динамике и другим криминологическим характеристикам. Различия велики. Но наряду с этими различиями есть и более существенные общие криминологические характеристики разных стран и мира в целом: преступность существует во всех государствах; ее доминирующая мотивация всюду является схожей; ее уровень в мире и в абсолютном большинстве стран неуклонно увеличивается; темпы ее прироста, как правило, в несколько раз превышают темпы прироста населения; в ее структуре преобладают корыстные посягательства, которые прирастают интенсивнее насильственных посягательств; основные субъекты преступлений - мужчины, особенно молодые. Вместе с тем давно наблюдается процесс феминизации преступности; экономическое развитие стран не сопровождается, как предполагалось, снижением преступности; уголовно-правовая борьба с преступностью переживает глубокий кризис; тюрьмы не перевоспитывают; смертная казнь не сдерживает рост преступности и т.д. В то же время наблюдаются процессы унификации деяний, организованности, вооруженности, защищенности, транснационализации, интернационализации преступности. Все это - реальные признаки глобализации преступности и глобализации мира в целом.

При всех существенных расхождениях в уровне преступности в разных странах первой и определяющей тенденцией в мире является *ее абсолютный и относительный рост* в соотношении с численностью населения, показателями экономического развития, культуры и т.д. Есть достаточные основания утверждать, что за последнюю четверть века преступность в мире в расчете на население возросла примерно в 5 раз. Самый высокий уровень преступности и относительно высокие темпы ее прироста регистрируются в наиболее богатых развитых демократических странах. Самая низкая преступность наблюдается в странах с тоталитарными (фашистскими, религиозно-фундаменталистскими, коммунистическими и другими авторитарными) режимами, где борьба с преступностью ведется, нередко, ее же методами. Но такой "эффективный" контроль является не чем иным, как некриминализованным злоупотреблением властей против своего народа, а точнее - государственным терроризмом. Жертвы таких злоупотреблений (государственного террора) многократно компенсируют низкий уровень уголовной преступности.

За последнее столетие человечество загнало себя в криминальный капкан, из которого выхода пока не найдено. Оптимальным является жесткий социально-правовой демократический контроль над преступностью, основанный на законах, принятых демократическим путем и реализуемый при строгом соблюдении прав человека. Мир это выстрадал и принимает. Но силы, форсирующие глобализацию, предлагают иную стратегию: под флагом борьбы за права человека путем двойных стандартов навязывают собственный наднациональный экономический и военный контроль над странами и территориями, находящимися в орбите их интересов, что лишь усилит детерминацию террора разных видов, в том числе уголовного. Особую опасность представляет транснациональная организованная преступность, террористическая, экономическая, коррупционная, паразитирующая на обороте наркотиков и оружия, торговле людьми и их органами. Темпы прироста этой преступности намного превышают темпы прироста традиционных деяний.

Второй основной тенденцией в области преступности является постепенное

отставание социально-правового контроля за преступностью. Причины многочисленные и разные, негативные (бессилие перед преступностью) и позитивные (гуманизация, демократизация и легитимизация этой борьбы). В системе "преступность - борьба с ней" преступность первична. Борьба с ней является всего лишь ответом общества и государства на ее вызов, ответом не всегда своевременным, адекватным, целенаправленным и эффективным. Тенденция интенсивного роста преступности и тенденция "отставания" социально-правового контроля над ее качественно-количественными изменениями увязываются в некий порочный круг, разорвать который можно только на пути органичного сочетания уголовно-правовых и криминологических стратегий борьбы с преступностью, то есть ее контроля и предупреждения на национальном и транснациональном уровнях.

Как будут развиваться имеющиеся тенденции национальной и транснациональной организованной преступности и самой опасной ее формы - уголовного терроризма в условиях интенсивной глобализации, ослабления национальных правительств, усиления борьбы за существование, нетрудно прогнозировать. В этом плане важное значение приобретают и иные особенности криминологической ситуации.

1. Идет процесс привыкания населения, особенно молодежи, к преступности. Два десятка лет тому назад череда организованного кровавого терроризма, массовых захватов заложников, работорговли, непрекращающихся публичных заказных убийств, многомиллионных мошенничеств и открытая беспрецедентная коррумпированность высших государственных должностных лиц глубоко шокировали бы нас. Ныне мы видим это почти ежедневно и принимаем как данность.

2. В виртуальном мире кино и телевидения мы видим сплошной криминал. И нам это интересно. И привыкание, и интерес к криминалу - не менее опасные тенденции.

3. Доминирующая криминальная мотивация прагматична, утилитарна и примитивна - корысть и иная личная выгода. Она не изменилась с библейских времен, только усилилась. Процесс "окорыствования" общественных отношений, не только экономических, но и политических, нравственных и даже творческих продолжается. Надежды человечества на то, что прогресс, основанный на экономическом развитии, приведет к общему смягчению нравов, не оправдались.

4. Ежегодно в мире регистрируется до 500 млн. преступлений. В расчете на 6 млрд. населения земли - это 8000 деяний на 100 тыс. жителей. Реальная преступность по меньшей мере вдвое выше, а во многих странах, в том числе и в России — вчетверо и впятеро. Фактически в России совершается до 12-15 млн. преступлений. Регистрируются 3 млн. преступлений и 78 млн. административных правонарушений, учтенных только по линии МВД и судов. Кроме них административной юрисдикцией обладают еще около 40 органов. Латентность административных правонарушений на порядок выше учтенных. Статистически мы имеем многократную поголовную правонарушаемость, включая детей и стариков.

5. Наряду с фактическим ростом преступности идет непрерывный процесс криминализации (возведение в ранг преступления) и деликтолизации (возведения в ранг административных правонарушений) все новых и новых видов общественно опасного и вредного поведения. За время действия четырех УК России было криминализовано более 300 новых видов деяний и декриминализовано около 100. Тысячами исчисляются частичные изменения и дополнения. Предложения к увеличению Особенной части нового УК идут непрерывным потоком. Процесс этот - естественен. Но когда тенденция криминализации в три-четыре раза превалирует над декриминализацией, то это требует серьезного осмысления.

6. Нарастают противоречия в уголовном законодательстве и правоохранительной системе. Налицо снисходительное отношение ко многим распространенным и опасным формам фактической криминальной деятельности правящей и политической элиты - фактору особо криминогенному. Между тем включение в сферу преступного отклонения действий, не затрагивающих интересы элиты, проходят практически свободно. Интенсивное расширение этой "неэлитной" сферы некоторые специалисты ошибочно

расценивают как процесс укрепления законности и правопорядка. Конкретный криминологический анализ свидетельствует о противоположном. Система уголовной юстиции не справляется с фактическим валом преступности, и если бы ныне она регистрировала, расследовала и рассматривала в суде хотя бы основную часть совершаемых деяний, она бы рухнула под грудой многих миллионов уголовных дел. Система уголовной юстиции выживает в связи с выборочной регистрацией деяний, неполным выявлением виновных лиц и доведением до суда одного из десяти фактических правонарушителей. К реальным мерам наказания (в основном к лишению свободы) осуждается 2-5 человек из ста реально совершивших уголовно наказуемые деяния. Но и это пенитенциарная система выдержать не может. Помогают ежегодные массовые амнистии.

7. Судя по характеристике выявляемых и осуждаемых правонарушителей система уголовной юстиции у нас главным образом нацелена на бедные, низшие, слабо адаптированные, алкоголизованные, деградированные и маргинальные слои населения, совершающие очевидные традиционные уголовные деяния и не умеющие защитить себя или откупиться. Направлена избирательно, как метод выживания правоохранительных органов (что легче, проще, безопаснее). Такая статистика при внедренной в сознание масс декларации "все равны перед законом и судом" много веков почти всех удовлетворяет: власть, элиту, правоохранительные органы, суды, тюрьмы, криминологов (которые вроде бы открыли истину) и большинство населения, кроме той его части, которая "попалась". Преступность же власти, богатства и интеллекта, то есть институциональная организованная и коррупционная, остается практически нетронутой. Все это укрепляет базу уголовного насилия и терроризма.

8. Коэффициент поражаемости реальной преступностью элитарных групп (как отношение преступников из этих групп к общему числу лиц данных групп) не ниже (или не намного ниже), чем самых низших слоев населения. Преступность власти, богатства и интеллекта почти не попадает в орбиту деятельности правоохранительных органов, хотя именно в этой сфере причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству. Сложилась ситуация, которая давно описана в литературе: если ты украл булку хлеба - пойдешь в тюрьму, а если - железную дорогу, будешь сенатором. И так было всегда. Первое, о чем задумались власть имущие после смерти диктатора Сталина, об освобождении от законного контроля правоохранительных органов. Они добились этого и их разложение еще в советское время стало почти всеобщим. С тех пор эту привилегию они не уступают (вспомним недавнюю жестокую борьбу по вопросу только об ограничении (!) иммунитета депутатов и "сенаторов" в Государственной Думе и Совете Федерации). Подобных заведомых индульгенций нет в так называемых цивилизованных странах. Наша политическая и правящая элита легко перенимает декларируемые права и свободы европейских стран, но как возвращение к тоталитаризму расценивает демократический контроль за своей неблагоприятной деятельностью.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью становится очень важным аспектом в борьбе с терроризмом всех видов и транснациональной организованной преступностью. Криминологически значимые проблемы глобализации должны просчитываться заблаговременно как на уровне национальных мер борьбы с преступностью, так и на уровне международно-правовых мер. Ныне становится очевидным, что преступность после мировых войн стала главной угрозой современности. Она постоянно меняется, мимикрирует, мгновенно заполняя неконтролируемые или слабо контролируемые ниши. Отсутствие борьбы с каким-то видом преступной деятельности, например, с отмыванием "грязных" денег, организованной преступностью, наркобизнесом и т.д. делает данную отдельную страну желательной не только для "своих", но и "чужих" преступников.

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью в свою очередь нуждается в наличии правового, организационного и научного обеспечения. Координирующие международно-правовые функции взяли на себя ООН, Интерпол, Европол,

неправительственные международные организации. Важно, чтобы они сохранили и усилили свою деятельность. Основным международным органом призвана оставаться ООН. Однако ее роль постепенно сокращается и она подменяется иными органами, "гегемонией нового типа" в однополярном мире [3].

Мы продолжаем жить в условиях войн и вооруженных конфликтов, непрерывных вспышек социальной, расовой, национальной, и религиозной вражды, невиданного разгула терроризма, насилия, грабежа, обмана, технологических и экологических бедствий и других форм современной преступности. Человеческое сообщество нередко оказывается бессильным перед ней. Чудовищные террористические акты в самой могучей стране мира в сентябре прошлого года поставили мировое сообщество и его отдельные страны перед серьезным выбором. Выход из криминального капкана, в который человечество себя загнало в XX столетии, лежит в ювелирном решении сложной двудеиной задачи эффективности и гуманности, жесткого социально-правового контроля при строжайшем соблюдении фундаментальных прав человека [4]. Ближайшее будущее человечества - свободное демократическое общество, но с надежным дифференцированным и жестким социально-правовым контролем за реальными и возможными криминальными процессами. Самоограничиться заставит страх перед диктатурой растущей и наглюющей преступности. Я говорю не об иррациональном страхе индивида за свою жизнь, а об осознанном страхе человеческой цивилизации за свое существование. И это осознание уже приходит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сорос Д.* Кризис мирового капитализма. М., 1999. С. IX.
2. *Global Report on Crime and Justice.* New York. Oxford. 1999.
3. *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. М., 2000. С. 20-42.
4. См.: *Bennett C.* Crimewarps. The Future of Crime in America. Revised and Updated. New York-London-Toronto-Sydney-Auckland, 1989. P. 12-13, 395-485; *Лунев В.В.* Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 472-480.